

Ж.З. Тагаров

ИСТОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЯХТИНЦЕВ ЛУШНИКОВЫХ (XIX–начало XX вв.)

Современный интерес к истории российского предпринимательства не случаен. Он обусловлен радикальными рыночными реформами в нашей стране, поиском позитивного опыта предпринимательства в прошлом, стремлением реабилитировать в глазах общества сословие, многие десятилетия поносимое официальной идеологией как эксплуататорское и антинародное. Поэтому историографическая ситуация в наши дни характеризуется как выходом в свет масштабных исследований по истории русского купечества в целом, так и активным введением в научный оборот материалов о конкретной истории купеческих родов и предпринимательских фирм во всем многообразии контактов с окружающей институциональной средой, в процессе эволюции стереотипов поведения в бизнесе.

Предлагаемый ниже очерк представляет собой еще одну попытку реконструкции истории купеческой фамилии одного из регионов России, а именно истории предпринимательской деятельности кяхтинцев Лушниковых, главным из которых был активный участник русско-китайской торговли XIX в. Алексей Михайлович Лушников (1831–1901 гг.). Выбор истории данной купеческой семьи в качестве объекта исследования не случаен. Деятельность Лушниковых связана со сложными перипетиями кяхтинской торговли: ее кризисом 40–50-х гг. XIX в., отменой режима прямого товарообмена в 1855 г., окончательным сворачиванием торговли через Кяхту в начале XX в. Далеко не тривиальной представляется культурно-просветительская деятельность Лушниковых, выделявшихся даже на фоне неравнодушного к культуре кяхтинского купечества.

А.М. Лушников особо интересен кругом людей, находившихся с ним в тот или иной период в тесных отношениях (от дека-

бристов братьев Н.А. и М.А. Бестужевых до плеяды знаменитых русских путешественников по Центральной Азии Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, В.А. Обручева).

Каковы же первые шаги основателя кяхтинской ветви рода Лушниковых на поприще торговой деятельности?

В своем очерке, посвященном Кяхте, забайкальский писатель В.В. Птицин писал в 1896 г.: «Во второй половине текущего столетия контингент торгующего в Кяхте и ее представляющего купечества коренным образом изменился. Представители древних, известных чайных фирм отчасти вымерли, отчасти переселились в Москву, а некоторые в Китай, и в Кяхте поселились и заняли их место новые люди»¹. Среди этих людей, принявших участие в ротации предпринимательских кадров Кяхты середины XIX в. и оказался А.М. Лушников.

Он действительно был «новым человеком» среди чайных торговцев Кяхты. Его отец — Михаил Михайлович Лушников (умер в 1886 г.)² занимался в Селенгинске мелкими торговыми операциями. Согласно рассказам внука А.М. Лушникова, он, сын Михайлы, вел свою родословную от Фрола Лушника, переселившегося в Забайкалье еще в XVIII в.³

Михаил Лушников, судя по всему, был предприимчивым человеком, поддерживал связи с некоторыми из кяхтинских купцов. Именно через него декабристы братья Бестужевы, переведенные в Селенгинск из Петровского завода в 1839 г., познакомились с кяхтинцами И. Нерпиным, Н. Сабашниковым, И. Носковым⁴. Декабристы и местные купцы М. Лушников и Д. Старцев пытались создать в Селенгинске в начале 1840-х гг. компанию по разведению мериносовых овец. В своих воспоминаниях М.А. Бестужев писал об этом: «Мы бросили хлебопашество и обратились к скотоводству. Составив компанию со Старцевым, Лушниковым и отставным поручиком Седовым, родственником последнего, мы купили стадо мериносовых овец в 500 голов...»⁵. Судя по воспоминаниям Бестужевых, М. Лушников и Д. Старцев возглавляли селенгинское «общество». М.А. Бестужев, описывая леность и невежество селенгинских мещан, подчеркивал: «Руководят этим обществом два лица: Старцев и Лушников, и надо признаться, что их попечениям это общество лентяев и обязано, что оно не распалось»⁶. Далее в своих заметках «Об отце, учите-

лях и друзьях» он пишет: «Другой патриарх и Нестор нашего общества — купец 3 гильдии М.М. Лушников. Его опытностью и уважением к нему держится общество бедных и ленивых наших мещан... Брат и я, мы полюбили его за патриархальную простоту, доброту и правоту»⁷.

Столь уникальная для того времени характеристика провинциального купечества ярко оттеняет бесперспективность жизни и, тем более, коммерческого успеха в «заштатном» городке, стоящем в стороне от главной торговой артерии региона. Не случайно, вышеупомянутая компания по разведению тонкорунных овец недолго просуществовав, пала, не выдержав конкуренции московских и кяхтинских купцов⁸. В этих условиях решение М.М. Лушникова об отправке сына Алексея в процветавшую тогда Кяхту не выглядит случайным. Аналогичную коллизию мы можем наблюдать в западно-сибирском городе Тара, потерявшем торговое значение еще в XVIII в. Вполне закономерно, что в рядах кяхтинского купечества в первой половине XIX в. оказываются бывшие тарские торговцы Я.А. Немчинов, Ф.М. Немчинов, И. Нерпин и др. Кстати, именно в торговую фирму кяхтинцев Нерпина и Ременникова и был отправлен в качестве прислужника Алексей Лушников⁹.

Подтверждением правильности такого решения является то, что и в последующие десятилетия та ветвь рода Лушниковых, которая осталась в Селенгинске, так и не смогла добиться крупного предпринимательского успеха. Все имеющиеся крайне редкие сведения свидетельствуют о незначительности их деловых операций. 23 октября 1869 г. Селенгинский 2-й гильдии купеческий сын Николай Лушников просил отвести ему из городского выгона под постройку свечно-мыловаренного завода 1 десятину земли на 40 лет с условием уплаты годового оброка 50 к. серебром¹⁰.

Далее в списках купцов 2-й гильдии, торгующих мануфактурой и колониальными товарами в Селенгинске в 1897 г.¹¹, 1898¹², 1900¹³, 1902¹⁴ гг. встречаются Александр Михайлович и Гавриил Николаевич Лушниковы. Наконец, в 1910¹⁵ и 1914¹⁶ гг. среди торговцев мануфактурными товарами в г. Селенгинске числятся Михаил Александрович Лушников.

О первых шагах коммерческой деятельности Алексея Лушникова, оказавшегося в «златокипящей» Кяхте в середине

1840-х гг., известно очень мало. По крайней мере, в списках торгующих в Кяхте купцов и комиссионеров 1840-х гг. он отсутствует. По свидетельствам внука А.М. Лушников — Виктора Иннокентьевича Лушников, основанным, вероятно, на семейных преданиях, Алексей Лушников в начале 1850-х гг. был приказчиком торгового дома Нерпина и Ременникова, сопровождая караваны с китайским чаем из Кяхты в Европейскую Россию¹⁷. Сохранилось, благодаря публикации в 1862 г. в газете «Кяхтинский листок», письмо М.А. Бестужева сестре Елене, в котором он весьма позитивно отзывался о начале коммерческой карьеры А.М. Лушников. «С плохоньким запасом русской грамоты и арифметики он поступил в контору купцов Нерпина и Ременникова, — писал Михаил Бестужев, — перешагнув ступень прислужника, с которой постоянно каждый мальчик начинает свою коммерческую карьеру. Этот дом для Алексея Лушников был настоящий университет коммерческих наук, где кафедру смелых торговых предприятий, дальновидно рассчитанных сделок, рискованных операций занимал Ременников, а Нерпин преподавал лекции благоразумной торговой осторожности и коммерции, основанных на верных барышах. В этой школе можно было многому научиться, и Алексей Лушников не потерял времени даром. Когда же фирма пошатнулась и окончательно пала несколько лет тому назад, он как говорится здесь, съездил в Россию, взглянул на нее уже не из-под кяхтинской подворотни, сблизился с торговыми тузами, получил от них комиссионерство на торговлю чаем в Кяхте, и на свои денежки, заслужив доверие лучших китайских фуз, действуя прямо, чисто, — поверь мне — пойдет далеко, если только кяхтинскую торговлю не подорвет привоз чая морем»¹⁸.

Данное свидетельство известного декабриста, видимо, следует оценивать осторожно, учитывая многолетние дружеские отношения братьев Бестужевых и семьи Лушниковых. К тому же подобные панегирики в адрес купечества были не столь уж и редки в России в XIX в. Вместе с тем, письмо Бестужева явно не вписывается в общую тональность газеты, в основном критиковавшей купечество Кяхты начала 1860-х гг.

Представленная выше заметка о Лушникове содержит некоторые неточности. Лестная характеристика Нерпина и Ременникова не согласуется с тем, что они не смогли приспособиться к

новым условиям русско-китайской торговли, возникшим в связи с отменой режима прямого товарообмена и жестко контролируемых цен. Режим меновой торговли, санкционированный правительством в 1800 г. и продолжавший действовать в ограниченной форме даже после его отмены в 1855 г. вплоть до 1860 г., сильно осложнял деятельность комиссионеров, торговавших в Кяхте. А.М. Лушников, как комиссионер купцов из Центральной России, торговал на капиталы своих комитентов. Он вынужден был закупать промышленные товары (сукно, хлопчатобумажные ткани) в Европейской части России, организовывать их транспортировку в Кяхту, осуществлять их обмен на китайский чай и доставлять его сухопутным путем через Сибирь в Европу и реализовывать там. Только после этого он получал возможность выполнить обязательства по таможенной очистке товара, выплатить долг кредиторам и, наконец, отчитаться перед комитентом. Столь разнообразные задачи, стоящие перед комиссионером в Кяхте, пространственный масштаб деятельности не могли не требовать от предпринимателя особых качеств: энергии, упорства, расчетливости и коммуникабельности.

Перед комиссионером стояла и еще одна проблема: как, оперируя чужими капиталами и выполняя обязательства перед комитентом, решать свои личные коммерческие дела. С одной стороны, само комиссионерство позволяло начинающим купцам решать свои задачи, поскольку в Китае существовала дискриминация «малокапитальных» торговцев. Они практически не обладали правом голоса при решении главного вопроса о променных пропорциях. Статус комиссионера позволял более действенно влиять на ситуацию. Комиссионерство позволяло получать выигрыш от совершения оптовых сделок. С другой стороны, огромные расстояния, отделявшие Кяхту от центра страны, ухудшение условий кяхтинской торговли в 40–50-е гг. XIX в. склоняло комиссионеров к подчинению интересов комитентов своим собственным. Многочисленные жалобы московских купцов стали приметой конца 1840-х–начала 1850-х гг.

Интересно, что Московский комитет, созданный в 1848 г. для обсуждения проблем кяхтинской торговли под председательством А.А. Закревского, главной проблемой этой торговли считал своеволие и мошеннические действия комиссионеров и

«малокапитальных» купцов. Соответственно, мероприятия по совершенствованию русско-китайской торговли через Кяхту сводились к следующему: во-первых, предлагалось ограничить влияние малокапитальных торговцев на размен товаров в Кяхте; во-вторых «подчинить действия кяхтинских торговцев строжайшему надзору и контролю» и увеличить взыскания за нарушения правил¹⁹; в-третьих, воспретить комиссионерам торговлю за собственный счет²⁰. Как следует из замечаний министра финансов на данный проект, которые рассматривались на заседании Азиатского комитета в июле 1850 г., правительство в целом одобрило меры, предлагаемые московским комитетом²¹.

Таким образом, торговля «на собственные денежки» в ущерб операциям на капиталы комитентов, видимо была в Кяхте правилом вплоть до отмены режима 1800 г.²² Так что в тех условиях, торгуя «прямо, чисто» вряд ли можно было добиться большого коммерческого успеха.

Впоследствии, после отмены таможенных правил 1800 г. и потери Кяхтой роли единственного центра легальной русско-китайской торговли, молодое поколение купцов оказалось перед новым вызовом, а именно, конкуренцией чая, доставляемого в Россию морем через западные границы сначала контрабандно, а затем с 1862 г. — легально. Ответ купечества носил пассивный характер и выразился в форме апелляций правительству с просьбой защитить их интересы.

Молодой «малокапитальный» купец Алексей Лушников принял деятельное участие в составлении прошений. Так, он подписался под докладной запиской кяхтинского купечества в 1857 г.²³, 1860 г.²⁴

В 1863 г., т.е. через год после разрешения свободного ввоза китайского чая через западные границы страны, подпись А.М. Лушникова мы обнаруживаем под докладной запиской о необходимости уничтожения пошлин с чаев, ввозимых в Кяхту, с целью уравновесить условия реализации в России кяхтинского чая и более дешевого чая, доставляемого морем²⁵. Особенно характерна записка, составленная кяхтинскими купцами и среди них А.М. Лушниковым, и представленная 29 января 1866 г. председателю государственного совета генерал-губернатором Восточной Сибири Корсаковым. Купцы писали, что кяхтинская

торговля находится в тяжелом положении из-за перевозки «кantonского» чая морем и контрабанды ею на западных границах империи и ходатайствовали о принятии мер по окончательному уничтожению пошлин с чая, доставляемого сухопутным путем через Кяхту²⁶.

В контексте данной статьи особенно важны свидетельства активного участия А.М. Лушникова в предпринимательской жизни Кяхты 50–60-х гг. XIX в. Интересно, что в 1861 г. он подписывался под документами как 2-й гильдии селенгинский купец²⁷, а в 1866 г. он уже представлен как кяхтинский купец 1 гильдии²⁸. В 1867 г.²⁹ и 1880 г.³⁰ А.М. Лушников избирается старшиной торгующего в Кяхте купечества.

Наконец, характеризуя первые шаги предпринимательской деятельности Лушникова, следует учитывать важный для русского купечества XVIII–XIX вв. фактор успеха, а именно удачный брак. Он позволял быстро войти в круг крупных предпринимателей, становился источником накопления капиталов. Среди кяхтинцев немало примеров такого рода. Ф.М. Немчинов сумел воспользоваться для продолжения своей коммерческой карьеры браком с дочерью богатого верхнеудинского купца М. Курбатова. И.И. Корнаков очень быстро из почтового служащего превратился в купца 1-й гильдии благодаря браку с дочерью купца Д. Синицина Августой Дмитриевной. А.М. Лушников в середине 1860-х гг. вступил в брак с Клавдией Христофоровной Кандинской — внучкой знаменитого Нерчинского купца Хрисанфа Кандинского. Но вряд ли данный брак сыграл судьбоносную роль в карьере Лушникова, поскольку к тому времени он был вполне состоявшимся предпринимателем³¹.

Отдавая должное несомненному уму и способностям А.М. Лушникова, мы должны отметить, что в значительной степени своим коммерческим успехам Лушниковы обязаны странной для второй половины XIX в. стабильности кяхтинской торговли. Ведь втягивание Китая и России в орбиту мирового рынка, развитие транспортных коммуникаций привело к массовому ввозу китайского чая в Россию через западные границы сначала контрабандно, а затем (с апреля 1862 г.) легально. Разная скорость доставки в европейскую Россию чая по суше через Кяхту и морским путем (в пользу последнего), более высокие

издержки доставки сухопутного (кяхтинского) чая сравнительно с «кантонским», привезенным морем, казалось бы, должны были погубить кяхтинское направление чайной торговли уже в 60-е гг. XIX в. Но факты свидетельствуют о другом. По данным А.П. Субботина в 1860-х гг. соотношение стоимости чая европейской и азиатской доставки составляло 70% к 30%, но в промежуток с 1886 г. по 1890 г. оно оказалось 45% к 55%³². Жизнеспособность кяхтинского направления русско-китайского торговли объяснима во многом таможенными преференциями правительства, заинтересованного в сохранении экономического канала влияния в дальневосточной политике. Кроме того, постепенно теряя свое значение для Европейской России, Кяхта оставалась важным торговым центром для Сибири, потреблявшей, главным образом, низкие сорта чая. Именно данные обстоятельства стимулировали рассматриваемую нами торговлю вплоть до постройки Сибирской железной дороги. Следует также подчеркнуть, что во второй половине XIX в. Китай потерял статус чайного монополиста вследствие открытия чайных плантаций в Индии, Цейлоне, на острове Ява, Японии. Так, если Китай в 1893 г. экспортировал чая на 243 млн. английских фунтов, то Британия вывезла из своих колоний на 198 млн³³. Это обстоятельство, как нам представляется, объективно повышало роль России в качестве рынка китайского чая.

Данные обстоятельства несомненно благоприятствовали деятельности нашего героя, как и всего торгующего на Кяхте купечества. Но, к сожалению, мы не располагаем подробными сведениями о коммерческих делах А.М. Лушника в 70–80-е гг. XIX в. Существующие данные имеют или косвенный характер, или восстанавливают лишь отдельные фрагменты деловой жизни купца. Так, наиболее всесторонне освещенная в источниках благотворительность Лушника может свидетельствовать о высоком уровне доходов, получаемых от торговли. Об этом напрямую писал ссыльный народник, зять А.М. Лушника Иван Иванович Попов, отмечая, что в 1885 г. почти все первогильдейские купцы, включая его тестя, имели капитал, превышающий миллион рублей³⁴. Интересно, что великий русский путешественник Н.М. Пржевальский, проезжая в 1883 г. через Кяхту в Монголию, купил у А.М. Лушника для путевых расходов в

Центральной Азии 12 пудов серебра³⁵. Последний, в своем письме Н.М. Пржевальскому от 12 ноября 1883 г. так писал об одной своей торговой операции: «Чайная комбинация ургинского кирпичного чая в тезах вышло убыточно Вам и убыточно мне: я в порядке требования Вами чая заторговал его порядочно, чтобы не хватила мель, а вышло навыворот: ургинский чай продавался здесь 23 и 22 р., а затем, после отъезда Вашего стал падать и упал до 19 р. за место, так я брал за пуд ямбового серебра 57 мест, а сейчас, пожалуй, можно купить 70. Вот какая разница и в короткое время! Что делать, надо покориться обстоятельствам. Китайцы объясняют падение курса тез смертью старого амбаня³⁶, который ограничивал выпуск тез известной суммой в видах правильного кредита, что и хорошо, а новый амбань, сорвавши хорошую взятку с ургинских лавок, позволил им выпуск тез сколько душе угодно. Конечно, это может кончиться для многих дурно»³⁷.

Данная цитата из письма А.М. Лушникову великому путешественнику свидетельствует не только о некоторых нюансах его коммерческой деятельности. В словах нашего героя начинают ощущаться признаки усталости, покорности внешним обстоятельствам. Постепенно он отходит от непосредственного ведения дел, предоставляя это своим помощникам. Так в 1887–1889-е гг. зафиксировано 7 прошений доверенного А.М. Лушникову — С.И. Толченого по поводу провоза чая через Иркутскую таможню³⁸.

К 90-м гг. XIX в. наблюдается концентрация чайной торговли в руках нескольких купеческих фирм, причем не кяхтинских. Интересно, что еще в 60-е гг. XIX в. крупнейшие кяхтинские купцы пытались закрепить за собой монополию на бумаге. Они выступили против разрешения вести торговлю с Китаем купцам 2-й гильдии и крестьянам, торгующим по свидетельствам 2-го разряда. Дело тянулось с 1869 г. по 1882 г. и кончилось вопреки мнению старшин купечества, разрешением купцам 2-й гильдии торговать с Китаем в Кяхте, но без предоставления личных прав купцов 1-й гильдии³⁹. Несмотря на это, в конце XIX в. торговлю с Китаем вели, в основном, купцы 1-й гильдии. Так, в 1898 г. из 20 купцов 1-й гильдии, торгующих в Кяхте — Троицкосавске, 19 занималось оптовой чайной торговлей с Китаем, а из

54 купцов 2-й гильдии только 5 имели чайное дело⁴⁰. В 1900 г. из 27 купцов и фирм, торгующих по 1-й гильдии, 21 занимались чайной торговлей, тогда как из 57 купцов 2-й гильдии чайное дело имели только 7⁴¹. Неоднороден был состав купцов 1-й гильдии, торговавших с Китаем в Кяхте. В 1892–1893 гг. в русско-китайской кяхтинской торговле участвовало 36 русских фирм. Но подавляющая часть оборота приходилась на несколько крупных компаний (табл. 1)⁴².

Таблица 1

Товарооборот ведущих участников русско-китайской торговли через Кяхту в 1892–1893 гг., тыс. р.

Название фирмы	1892 г.	1893 г.
А.М. Лушников	1 451	1 204
А.В. Швецов	821	1 191
Коковин и Басов	1 527	911
Синицин И.Д.	673	416
Наследники М.И. Грибушина	571	616
Собенников и братья Молчановы	913	1 381
Торгово-промышленное товарищество «Преемник А. Губкина, А. Кузнецов и Н-ки»	4 373	3 870
Корзухин М.И.	1 193	835
Торговый дом «Петра Боткина сыновья»	845	582
Остальные	4 199	4 840
<i>Всего</i>	16 564	15 847

Представленные выше данные свидетельствуют, что ¼ торгующих на Кяхте фирм сосредоточила в своих руках ¾ оборота кяхтинской торговли. Среди 4-х компаний, оборот которых превышал в рассматриваемые годы 1 млн р. мы находим фирму А.М. Лушникова. Более полные сведения о торговой деятельности последнего читатели данной статьи могут найти в табл. 2⁴³.

Отсюда видно, что в 90-е гг. XIX в. импорт чая из Китая осуществлялся в основном, по так называемой караванной торговле, т.е. путем закупки чая русскими компаниями в глубинных районах Китая. Вследствие этого, произведенный Лушниковым довольно значительный ввоз чая в абсолютном значении невелик по отношению к общему караванному привозу. Здесь, в основном, господствовало торгово-промышленное товарищество

«Преемник А. Губкина, А. Кузнецов и Н-ки», которое, например в 1892 г. осуществило 40% импорта через Кяхту. Относительно более значителен привоз чая, осуществленный А.М. Лушниковым по оптовой торговле (оптовые закупки чая непосредственно на границе с Китаем в Кяхте). Если говорить о вывозе товаров в Китай, который неумолимо сокращался с 60-х гг. XIX в., то здесь несколько иная картина. По оптовой экспортной торговле операции Лушникова были наиболее значительны, учитывая, правда, что в кяхтинском экспорте в целом оптовые операции играли незначительную роль. Тут абсолютно преобладала караванная торговля.

Таблица 2

*Экспортно-импортные операции А.М. Лушникова
в 1892–1896-х гг., тыс. р.*

Годы	Ввоз				Вывоз			
	по караванной торговле		по оптовой торговле		по караванной торговле		по оптовой торговле	
	А.М. Лушниковым	всего	А.М. Лушниковым	всего	А.М. Лушниковым	всего	А.М. Лушниковым	всего
1892	445	10 998	381	2 158	15	439	611	2 969
1893	349	11 292	436	2 235	–	173	420	2 147
1894	318	11 202	430	2 507	10	83	424	2 479
1895	394	13 904	309	1 768	17	111	324	1 970
1896	343	14 706	503	2 023	–	163	352	1 365

Таким образом, к 90-м гг. XIX в. А.М. Лушников становится одним из крупных кяхтинских торговцев, совершавших оптовую чайную торговлю. Однако, статус оптовика в Кяхте позапрошлого века не совсем адекватен современному значению этого понятия. Оптовая торговля в Кяхте предполагала более пассивные, чем караванная торговля, операции, во многом схожие со сделками эпохи меновой торговли.

Тем не менее, крупные закупки чая требовали широкого рынка сбыта в России. Естественно, в конце XIX в. происходит расширение сферы торговой деятельности Лушникова. Судя по воспоминаниям И.И. Попова, доверенные и конторы Лушникова были в Томске, на Амуре и в Средней Азии⁴⁴. В письме А.М. Луш-

никова Н.М. Пржевальскому мы также находим свидетельство того, что первый поддерживал деловые отношения в 80-х гг. с купцом А.Д. Старцевым (сыном декабриста Н.А. Бестужева), жившим тогда в Китае в городе Тяньцзинь⁴⁵. Более точные данные нам дает «Сибирский торгово-промышленный календарь», согласно которому Лушников упоминается среди торгующих купцов 1-й гильдии в Иркутске (1898 г.), в числе торгующих 2-го разряда в г. Верный (1900 г.⁴⁶).

Итак, имея в начале 50-х гг. незначительный капитал, к концу XIX в. Алексей Михайлович Лушников становится одним из крупных кяхтинских купцов, производившим крупнейшие экспортно-импортные операции по оптовой торговле. Это стало возможным не только благодаря личным качествам, но и относительно стабильному состоянию восточного направления русско-китайской торговли во второй половине XIX в.

Интересно отметить, что Лушников заметно отличался от многих кяхтинцев своей преданностью торговой сфере⁴⁷. Немчиновы и Осокины успешно сочетали чайную торговлю с золотодобычей, винным промыслом, Молчановы и Швецовы с хлопководством в Средней Азии. А.М. Лушников же относился к этим неторговым занятиям негативно, как к неблагородным занятиям. Эту его особенность, видимо следует объяснить комплексом причин, самой очевидной из которых кажется стабильность русско-китайской торговли в Кяхте, поддерживаемая государственными преференциями. Безусловно, огромные прибыли кяхтинцев, обусловленные государственной поддержкой, растущим спросом на чай, неразвитостью транспортных коммуникаций, почти исключали какие-либо иные предпринимательские занятия кроме торговли. Но нельзя не заметить сходство позиции Лушникова с предпринимательской этикой традиционного русского купечества дореформенного периода с привычным для того времени дифференцированием отраслей экономики на благородные и неблагородные.

К сожалению, трансформация предпринимательской этики представителей семьи Лушниковых совпала со смертью Алексея Михайловича в 1901 г., т.е. со сменой поколений, а также с радикальным изменением ситуации на кяхтинском направлении русско-китайской торговли.

Завершение строительства Транссибирской железной дороги в начале XX в. крайне негативно сказалось на кяхтинской торговле. Грузы, вывозимые из чайных регионов Китая, стали провозиться из Владивостока в Центральную Россию, минуя Кяхту, через Верхнеудинск, что нанесло смертельный удар по кяхтинской торговле.

Состояние этой торговли в 1897–1905-х гг. характеризуется следующими данными (табл. 3)⁴⁸.

Таблица 3

**Товарооборот кяхтинской торговли в 1897–1905-х гг.,
тыс. р.**

Годы	Ввоз	Вывоз
1897	19 265	1 411
1898	19 763	1 535
1899	21 748	1 564
1900	8 744	1 323
1901	2 369	928
1902	8 428	1 015
1903	3 691	973
1904	4 611	1 453
1905	8 773	2 962

Данные табл. 3 свидетельствуют, что в эти годы экспорт через Кяхту не претерпел значительных изменений, а импорт (чай) сократился сильно. В результате снизился и общий оборот кяхтинской торговли. А если учесть, что к 1905 г. в импорте через Кяхту китайский чай был почти полностью замещен монгольскими товарами, то можно считать: к 1900-м гг. кяхтинская чайная торговля окончательно прекращается.

В это время, после смерти А.М. Лушников в 1901 г., дело переходит в руки его наследников — образуется фирма «А.М. Лушников Наследники». Предположительно можно сказать, что в нее входили сыновья А.М. Лушников — Александр, Иннокентий, Алексей, Михаил и Глеб. Судя по некоторым данным, официально руководила фирмой жена А.М. Лушников — Клавдия Христофоровна Лушников⁴⁹. Многочисленные данные свидетельствуют, что в начале 1900-х гг. торговля, главным образом чайная, оставалась их основной сферой деятельности. Так, об

этом говорит доверенность доверенного фирмы «А.М. Лушников Н-ки» иркутского купца С.И. Толченого. Ему поручалось «объявления подписывать и подавать, пошлины платить наличными или переводами под аттестат и др. залоги, давать подписки, принимать товары, получать деньги, покупать чай и другие товары, не оплаченные пошлиной, отрезать купоны»⁵⁰. В дальнейшем, в фонде Кяхтинской таможни мы находим прошения за 1903⁵¹ и 1906⁵² гг. доверенного фирмы «А.М. Лушников Н-ки» Михаила Бардашева, который просил отсрочки пошлин под залог за провоз чая через таможню. Судя по прошениям, даже в 1906 г. фирмой было уплачено пошлин на 121 341 р.⁵³ В то же время, нельзя не заметить некоторых изменений, вызванных упадком кяхтинской торговли.

Во-первых, потеря Кяхтой своего монопольного положения, как единственного пункта русско-китайской торговли, развитие других торговых путей (в сухопутной торговле с Китаем) требовали от Лушниковых изменения форм торговли. Прежде всего это выразилось в явном переходе от оптовой торговли (непосредственная торговля с китайскими купцами в Кяхте — Маймачене) к караванной (засылка караванов непосредственно в Китай). Ниже приводим таблицу, составленную по материалам отчетов старшин торгующего на Кяхте купечества, о ввозе и вывозе товаров через Кяхту по караванной и оптовой торговле в 1896–1905 гг. А.М. Лушниковым и фирмой «А.М. Лушников Н-ки»⁵⁴.

Таблица 4

**Экспортно-импортная деятельность семьи Лушниковых
в 1896–1905-х гг., тыс. р.**

Годы	Ввоз		Вывоз	
	по караванной	по оптовой	по караванной	по оптовой
1896	343	503	–	352
1898	295	202	–	52
1900	188	91	0,6	69
1901	25	59	–	13
1903	245	60	38	17
1904	369	38	36	33
1905	349	18	13	64

Она показывает, что в 1896–1905 гг. импорт Лушниковыми товаров из Китая по оптовой торговле сократился более чем в

25 раз, в то время как импорт по караванной торговле, исключая временный спад в 1901 г.⁵⁵, остался на прежнем уровне (надо учесть, что общий привоз по Кяхте за эти годы сильно сократился). Как известно, казенная караванная торговля была основной формой торговли в начальный период русско-китайских торговых отношений. Но в тех условиях такая казенная торговля не могла удовлетворять экономическим потребностям обоих государств. В 1755 г. был отправлен в Пекин последний караван, а в 1761 г. караванная торговля была отменена официально⁵⁶. Только когда кяхтинская торговля начинает клониться к упадку, караванная уже частная торговля приобретает большое значение. После подписания пекинского договора 1-й русский частный караван в 1863 г. отправляется в Китай. К 90-м гг., как мы видели, основная часть оборотов кяхтинской торговли была за счет караванной торговли. Переход Лушниковых в начале 1900-х гг. от оптовой к караванной торговле означал, что старая торговля непосредственно в Кяхте — Маймачене стала для них невыгодной, и они решили приблизиться к местам изготовления чая путем засылки караванов прямо в Китай. В то же время необходимо отметить и другую деталь: именно в эти годы появляются сведения о торговле Лушниковых через западные границы Китая. Так, в фонде Кяхтинской таможни было обнаружено дело «О разрешении транзита серебра торгового дома «А.М. Лушников и Ко». Начато 31 марта 1903 г. Кончено 26 ноября 1903 г.». Вот выдержка из содержащейся в нем телеграммы из Бахтинского таможенного участка (Семиреченская обл.) в Кяхтинскую таможню: «Торговый дом Лушников и Наследники ходатайствует разрешения транзита серебра в ямбах, которые количестве 100 пудов по частям предполагает отправить через Бахтинский таможенный участок в Чугучак и прочие места Западного Китая в интересах развития русской торговли. Полагаю возможным развитие этого транзита при соблюдении порядка, установленного для Коковина и Басова. Недоразумений при осуществлении выпуска за границу серебра Коковина через Джаркентскую таможню не возникло»⁵⁷. Через Западный Китай Лушниковы не только вывозили драгоценные металлы, но и ввозили чай, предназначенный, видимо, для Средней Азии. Ниже приводим содержание одного из 2-х сохранившихся уведомлений за 1906 г. по поводу привоза чаев торгового

дома «А.М. Лушникова Н-ки» через Бахтинский таможенный участок: «1906 г. июня 3 дня, по проверке Бахтинским таможенным управлением транспорта с кирпичным, черным и зеленым чаями, следующими при провозном свидетельстве Кяхтинской таможни № 19 1905 г., предъявленного к досмотру доверенным торгового дома А.М. Лушникова Наследники, казанским крестьянином Абдулджималом Сатаровым, оказалось: 83 ящика за № с 3283 по 3365 с зеленым кирпичным чаем в кожаных ширах с целой упаковкой весом брутто 392 пуда 16 фунтов и 90 ящиков в дерюге с черным кирпичным чаем весом брутто 360 пудов 2 фунта. Упаковка их также не повреждена»⁵⁸.

Во-вторых, Лушниковы, как и все кяхтинское купечество, лишившись в начале XX в. возможности монополизировать чайную торговлю в Сибири, пытаясь приблизиться к потребителю, открывали конторы по торговле чаем во многих городах Сибири и Средней Азии. При этом они уже ведут розничную чайную торговлю. По объявлению, поданному в Барнауле кяхтинскими торговыми домами «А.М. Лушникова Н-ки» и «Коковин и Басов» в 1902 г. эти фирмы продавали чай оптом и в розницу в Барнауле. Кроме того, в Кяхте, Иркутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Чите, Сретенске, Николаевске-на-Амуре, Томске, Семипалатинске, Верном, Ташкенте и Коканде. В Москве, Казани и других городах, на ярмарках: Нижегородской и Ирбитской⁵⁹. В 1910 г. фирма «А.М. Лушникова Н-ки» и «Коковин и Басов» производили торговлю чаем в Верном, Джаркенте, Семипалатинске, Сретенске⁶⁰. Есть сведения о том, что даже в Москве Лушниковы имели своего доверенного — фирму «Ф. Деньгин и Н. Мамонтов». Об этом говорит уведомление Кяхтинской таможни от 8 февраля 1906 г.: «Кяхтинская таможня имеет честь уведомить Московскую контору Государственного Банка, что хранящиеся в оной по вкладу 1902 г. № 450853 5 свидетельств 4% государственной ренты, из коих 3 свидетельства по 5 тыс. р. и 2 свидетельства по 1 тыс. р., а всего на номинальную сумму 17 тыс. р., таможеню от залога освобождены и могут быть выданы доверенному торгового дома «А.М. Лушникова Н-ки», торговому дому «Ф. Деньгин и Н. Мамонтов»⁶¹.

Но несмотря ни на что, торговля уже не могла приносить прежних доходов, обусловленных исключительным положением

Кяхты. В 1910 г. лишь 6 купцов 1-й гильдии занимались оптовой торговлей в Кяхте: И.А. Басов, фирма «А.М. Лушникова Н-ки», В.Н. Молчанов, В.А. Собенников, М.В. Шишмаков, Л.В. Перевалова⁶². В 1914 г. из кяхтинцев оптовой торговлей занималась только фирма «Коковин и Басов», и в розницу торговало 6 купцов. О Лушниковых же сведений уже нет⁶³.

В эти годы мы видим Лушниковых в новом качестве. Сыновья А.М. Лушникова — Глеб и Михаил осваивают «неблагородное» дело — становятся золотопромышленниками в Монголии.

Монголия с ее богатейшими природными ресурсами, выгодным стратегическим положением становится в начале XX в. объектом экспансии крупнейших держав. Наиболее типичным и крупным проявлением российского капитала в Монголии стало золотодобывающее объединение «Монголор». «Монголор» по величине основного капитала (3 млн р.) до 1917 г. делил 4 и 5 место с Амурским золотопромышленным обществом среди 32 акционерных золотодобывающих предприятий России⁶⁴. Непосредственно после образования объединение испытывало в начале 1900-х гг. большие трудности в связи с недостатком средств для ведения самостоятельных работ, ибо они были израсходованы вначале на неудачную попытку использовать в Монголии американское оборудование. Поэтому директор-распорядитель В.Ю. фон Грот вынужден был сдавать участки своей концессии отдельным арендаторам. Самыми крупными из них и являлись братья Михаил и Глеб Лушниковы. Их, как и многих кяхтинцев: И.Д. Синицина, К.В. Титова, А.Д. Могильникова, Ф.Б. Голикова, Ф.М. Немчинова, в Монголии привлекала не только чрезвычайная выгодность золотодобычи, но и крайняя дешевизна рабочей силы. Если рабочий обходился на Ленских золотых приисках 5 рублей в день, то в Монголии он обходился в 3 р. 25 к.⁶⁵ Кроме того, современники отмечали, что китайцы, составлявшие основной контингент рабочих на приисках, отличались большей терпимостью, малыми потребностями, не знали забастовок⁶⁶.

В литературе мы находим очень краткие сведения о приисках Лушникова. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев сообщали в 1910 г., что проезжая через Кяхту, видели там хозяина золотых приисков в Монголии, на речке Иро, М.А. Лушникова⁶⁷. Далее они еще раз

пишут, что на реке Иро имеются богатые прииски кяхтинского капиталиста М.А. Лушникова. А в подстрочном примечании уточняют, что на приисках «Монголора» и Лушникова работают тысячи китайских рабочих⁶⁸.

В отчете агента Министерства торговли и промышленности России в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. сообщается, что Лушников арендовал ключ Тологой. «Монголор» платил ему за один золотник 3 р. 50 к. Также он пишет: «По заявлению Лушникова, он платил обществу 30% и, несмотря на это, заработал на этом прииске несколько сот тысяч рублей. Этот факт указывает, насколько выгодными являются концессии с уплатой Монгольскому правительству даже 30%»⁶⁹. В 1908–1909 гг. Лушниковы дали около половины всей добычи золота «Монголора» (30 пудов из 68), а в 1910 г. — половину добычи «Монголора» (60 п. из 120 п.)⁷⁰. И даже в 1917 г., когда доля арендаторов в добыче золота «Монголором» резко упала, Михаил Лушников намеревался добыть 3 п. из 26 п., запланированных всем «Монголором»⁷¹. Надо сказать, что и в эти годы торговля продолжала иметь для Лушниковых определенное значение. В 1910 г., как упоминалось выше, они еще вели чайную торговлю. Так же Лушниковым не была чужда и такая форма торговли как содержание лавок и магазинов на приисках. Они получали от этого почти 10% прибыли⁷².

Отсюда видно, что падение кяхтинской торговли, совпавшее, а также бывшее последствием интенсивнейшего проникновения рынка в экономику Сибири, сыграло большую роль в становлении Лушниковых как промышленников. Точнее сказать они становятся одними из представителей сложившейся в Сибири торгово-промышленной буржуазии. Так же как предприниматели А.И. Громов, А.Х. Тютюков, А.М. Кушнарев и др. Лушниковы к этому времени являли собой пример того, как в Сибири промышленный капитал так и не отделился от торгового.

Таким образом, на примере Лушниковых мы имеем возможность проследить трансформацию торгового сословия в очень характерную для восточных районов России группу торгово-промышленной буржуазии.

Конечно, предпринимательская деятельность Лушниковых менее значительна, чем скажем, Второвых, Стахеевых, фирмы «Воган и К» или даже «Коковин и Басов», превратившихся из рядовых

торговых фирм в крупные торгово-промышленные компании. Но и она очень показательна. В данном случае история экономической деятельности Лушниковых свидетельствует о том, что источником накопления их капиталов явилась внешняя торговля, а именно русско-китайская торговля через Кяхту. Это, в совокупности с общими сибирскими условиями, можно сказать, задержало вышеназванную трансформацию деятельности Лушниковых. Она произошла с окончательным упадком кяхтинской торговли после проведения Сибирской железной дороги, совпавшим по времени с периодом быстрого проникновения в Сибирь промышленного капитализма. И, в конце концов, — это история одной из многих предпринимательских фамилий в едином потоке создававших самобытную и противоречивую экономическую историю России.

Примечания

¹ Птицын В.В. Селенгинская Даурия. СПб., 1896. С. 154.

² Петряев Е.Д. Впереди — огни. Иркутск, 1968. С. 68.

³ Лушников В.И. Записки старого Кяхтинца (Рукопись, использована с согласия автора).

⁴ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Ч. 2. Сибирь и эмиграция. Л., 1924. С. 37.

⁵ Воспоминания Бестужевых. М., 1931. С. 247.

⁶ Там же. С. 241.

⁷ Там же. С. 294.

⁸ Барановская М.Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954.

⁹ Петряев Е.Д. Кяхтинский листок. Улан-Удэ, 1963. С. 17.

¹⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24, оп. 6, д. 904, л. 1.

¹¹ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1897 г. Томск, 1898. С. 685.

¹² Сибирский торгово-промышленный календарь за 1898 г. Томск, 1899. С. 85.

¹³ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1900 г. Томск, 1901. С. 213.

¹⁴ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1902 г. Томск, 1903. С. 257.

¹⁵ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1910 г. СПб., 1910. С. 177.

¹⁶ Адрес-календарь и торгово-промышленный календарь Дальнего Востока и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Владивосток, 1914. С. 412–413.

- ¹⁷ Лушников В. Записки старого кяхтинца // Байкал. 1975. № 5. С. 156–157.
- ¹⁸ Кяхтинский листок. 1862. № 6.
- ¹⁹ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Китайский стол, д. 3050, л. 499.
- ²⁰ Там же. № 504.
- ²¹ ГАИО. Ф. 24, оп. 7, д. 1214, л. 2–9.
- ²² См.: Тагаров Ж.З. Реформа со знаком «минус» (о таможенных правилах русско-китайской торговли 1800 г.) // Историко-экономический научный журнал. 2000. № 7. С. 34–48.
- ²³ ГАИО. Ф. 24, оп. 7, д. 1210, л. 183.
- ²⁴ Там же, д. 1232, л. 6–17.
- ²⁵ Там же, д. 721, л. 1.
- ²⁶ Там же, д. 1335, л. 3–12.
- ²⁷ Там же, д. 1255, л. 4.
- ²⁸ Там же, д. 1335, л. 12.
- ²⁹ Там же, д. 1308, л. 25–26.
- ³⁰ Там же, д. 563, л. 31–32.
- ³¹ Подробнее о генеалогических связях Лушниковых и Кандинских см.: Бараев В.В. Древо: декабристы и семейство Кандинских. М. 1991.
- ³² Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892. С. 618.
- ³³ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 312.
- ³⁴ Попов И.И. Указ. соч. С. 9–10.
- ³⁵ Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948. С. 26.
- ³⁶ Внешняя Монголия входила в состав Цинского Китая с конца XVII в. по 1911 г. Титул амбань присваивался главе маньчжуро-китайской администрации в Урге (совр. Улан-Батор).
- ³⁷ Архив Российского Географического общества (РГО). Ф. 13, оп. 2, д. 126, л. 20.
- ³⁸ ГАИО. Ф. 153, оп. 1, д. 105, лл. 23, 58, 147, 156, 170, 184, 197.
- ³⁹ ГАИО. Ф. 24, оп. 7, д. 347, л. 41; д. 782, л. 1–57.
- ⁴⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1898 г. ... С. 81–82.
- ⁴¹ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1900 г. ... С. 204–205.
- ⁴² ГАИО. Ф. 29, оп. 1, д. 304, л. 20, 44.
- ⁴³ Таблица составлена на основе данных: ГАИО. Ф. 29, оп. 1, д. 304, лл. 20, 44, 95, 1–4, 105, 186.
- ⁴⁴ Попов И.И. Указ соч. С. 67, 143, 183.
- ⁴⁵ Архив РГО. Ф. 13, оп. 2, д. 126, л. 20.
- ⁴⁶ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1898 г. ... С. 66; Сибирский торгово-промышленный календарь за 1900 г. ... С. 138.

⁴⁷ Правда, И.И. Попов упоминает о хлопковом деле в Ташкенте, принадлежавшем Амурской компании, которую возглавлял Лушников (Попов И.И. Указ. соч. С. 183). Но, во-первых, данное предприятие оказалось неудачным, а во-вторых, это единственное упоминание о причастности А.М. к производственной деятельности.

⁴⁸ Таблица составлена по данным: ГАИО. Ф. 29, оп. 1, д. 393, лл. 43, 44, 63, 66, 88, 89, 129, 130, 167, 172, 180, 189, 235, 236, 258, 259, 268, 273.

⁴⁹ Там же. Ф. 29, оп. 1, д. 393, л. 164; Сибирский торгово-промышленный календарь за 1910 г. ... С. 202.

⁵⁰ ГАИО. Ф. 153, оп. 1, д. 260, л. 25.

⁵¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 102, оп. 1, д. 192, л. 1–5.

⁵² Там же, д. 284, л. 1–82.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ГАИО. Ф. 29, оп. 1, д. 304, л. 186; д. 393, лл. 76, 104, 164, 234, 255, 283.

⁵⁵ Этот спад можно объяснить, с одной стороны, смертью А.М. Лушникова в 1901 г., с другой — общим спадом кяхтинской торговли в этом году, связанным, видимо, с беспорядками в Китае (последствия восстания ихэтуаней).

⁵⁶ Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. (из истории русско-китайской торговли). Иркутск, 1947. С. 51, 67.

⁵⁷ НАРБ. Ф. 102, оп. 1, д. 208, л. 1–2.

⁵⁸ НАРБ. д. 284, л. 16.

⁵⁹ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1902 г. ... С. 71.

⁶⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1910 г. ... С. 48, 50, 180, 187.

⁶¹ НАРБ. Ф. 102, оп. 1, д. 284, л. 25.

⁶² Сибирский торгово-промышленный календарь за 1910 г. ... С. 202.

⁶³ Адрес-календарь и торгово-промышленный календарь Дальнего Востока и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю... С. 423.

⁶⁴ Даревская Е.М. Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии // Труды Иркутского госуниверситета. Т. 45. Серия историческая. Вып. 1. Иркутск, 1968. С. 108.

⁶⁵ Там же. С. 120.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли (экспедиция в Монголию 1910 г.) // Труды Томского о-ва изучения Сибири. Т. 1. Томск, 1911. С. 115.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Болобан А.П. Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. М., 1914. С. 90.

⁷⁰ Даревская Е.М. Указ. соч. С. 113.

⁷¹ Там же. С. 114.

⁷² Там же. С. 112.